

Розділ 2.

МЕХАНІЗМИ ІДЕНТИФІКАЦІЇ
ТА СТРАТЕГІЇ ПАМ'ЯТІ

УДК930(477)

Сергей Савченко

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ФОРМА
ЛОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В статье речь идет о базовом сходстве исторической мифологии (нациократического мифа) и историографии, претендующей на конструирование и репрезентацию «национальной памяти» с точки зрения научного дискурса. В действительности, мифологическое мышление свойственно историку на всех этапах его работы, начиная с актуализации и заканчивая установлением каузальных связей между фактами и презентацией выводов.

Ключевые слова: историография, память, миф.

Историографию принято считать продуктом иудео-христианского отношения ко времени. С. Аверинцев сформулировал его как ощущение исчерпанности цели истории, в том смысле, что ее основные черты известны заранее, а рамки – предопределены. История мыслится как «уже-но-еще-не»: это динамический, событийно насыщенный, но в целом обозреваемый промежуток между первым (прикровенным) и вторым (славным) пришествием Христа [1, с. 124]. Помещенные в эти рамки события обретают символическую важность в свете эсхатологии: каковой будет судьба народа на грани истории и вечности, в последней битве Добра и Зла? Христианские и постхристианские народы генетически принадлежат к ареалу «поминающей культуры», в которых, по выражению Яна Ассмана, память созидает общность [2, с. 30]. Именно Израиль стал «в совершенно новом, эмоционально насыщенном смысле прототипом нации». Каждая европейская нация XIX века – «века историков» – так или иначе проектировалась ее интеллектуалами по образцу «избранного народа» – с собственной «тысячелетней» биографией, пророками с «синдромом Моисея» и своими нюансами взаимоотношений с Богом [2, с. 30–31]. Нехристианские («незападные») народы, формировавшиеся под влиянием других теологических концепций, не имели историографии как формы профессиональной фиксации своей коллективной памяти.

Итак, Запад и его периферийные разновидности (латино-американский и православно-славянский миры) сформированы историографией. Она поддерживает их идентичность в актуальном состоянии, призывает помнить о прошлом и мечтать о будущем. Она может видоизмениться, по-новому расставлять акценты, менять объекты легитимации, но не может исчезнуть. Исследованием связи между историографией, исторической памятью и национальным сознанием занимались такие ученые как П. Нора [16] и Я. Ассман [2], отдельных аспектов проблемы касались Р. Шартье [28], Е. Топольский [22], В. Вжозек [7], П. Берк [4], Н. Копсов [12], Л. Репина [20, с.

5-13], О. Эксле [29, с. 75-90] и др.

В современном академическом дискурсе историография и историческое мифотворчество обычно противопоставляются. Создаются даже академические комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификациями исторических исследований, а специальные правительственные институты определяют, из каких компонентов должна состоять «правильная», «научная» национальная память. Историческое мифотворчество, стремясь к успеху, пытается выдать себя за науку, учитывает критику своих оснований, чтобы как можно убедительней мимикрировать под историографию? вплоть до институализации в виде учебников, диссертаций, научно-исследовательских программ. Этому мифотворчеству свойственны такие черты как иррациональный характер концепции; разрыв с общепринятой картиной мира и привычными научными представлениями; акцентирование на революционном прорыве в понимании истины; неverifiedируемость и нефальсифицируемость гипотез и результатов исследований, стремление спрятать исходные посылки в мистических глубинах «вселенского разума», «космических энергиях», «пассионарных толчках», «подсознании» и т. д.; ориентированность на внесоциальные объясняющие факторы; источниковые фальсификации и создание собственных «правдивых» источников; искажение аутентичных текстов при их слишком «творческом» переводе; лингвистические мистификации путем выведения новых значений из привычных слов; разработка собственных методик интерпретации, злоупотребление методом аналогий, сенсационность «открытий»; пророческий пафос и конспирологический образ мышления; приоритет доктрины перед научным поиском [21].

Вопрос состоит в том, является ли историография противоположностью исторической мифологии, учитывая изложенные характеристики? Нам представляется, что по-сути нет. Историки, претендующие на «объективное изложение событий», скептически относятся к сторонникам «альтернативной истории» (об украх, родившихся от брака «праукраинцев» Ория и Лели, укро-арях, создавших древнеегипетские пирамиды и цивилизацию друидов и проч.) [17]. Но антагонизм между научной историей народа и нациократическим мифом – это только то впечатление, которое историки сами хотят произвести. Это уловка самого Мифа. Цель статьи состоит в обосновании этого тезиса.

Историография, используя логику М. Маклюэна, является «расширением» человеческой памяти точно также, как колесо – «расширением» ног, очки – «расширением» глаз» [15]. Она выполняет функцию генератора и имплантатора «несуществующих воспоминаний», восполняющего индивидуальную память тем, что выходит за естественные

эмпирические пределы. Она объединяет в сконструированном «пространстве памяти» людей, которые до этого не имели ни малейшего представления об «общей исторической судьбе». Она мобилизует массы под постоянно меняющиеся лозунги, вызывает к нации как живому действующему коллективному субъекту, создает образ врага, направляя к нему потоки коллективной ненависти. При этом каждый человек может «припоминать» то, что не происходило с ним лично, но происходило с теми, кого он причисляет к единой пространственно-временной «коннективной структуре» (Я. Ассман) – нации. Имплантируемая историографией «память» напоминает эксперименты Станислава Грофа по расширению сознания, когда человек под гипнотическим воздействием «припоминал» свои прошлые «перевоплощения» в объекты органической и неорганической природы, существовавшие за миллионы лет до его рождения [9]. Человек, воспринимающий исторические схемы в качестве расширения своей естественной памяти, находится в измененном состоянии сознания – в плену ложных воспоминаний.

В качестве примера рассмотрим случай имплантации казаческого мифа в образ современной Украины. С разных идеологических позиций в начале XX в. этим занимались как монархисты-черносотенцы, так и деятели оппозиционного украинского движения. Прочитываем характерный эпизод из книги К. Федевича: «Вольнь не была главной исторической территорией украинских казачьих полков. Тем не менее, Почаевское отделение Союза русского народа во главе с архимандритом В. Максименко предприняло реальные шаги для «оказачивания» Волыни. Именно по инициативе и под руководством Православной Церкви и Союза русского народа в 1914 г. был сооружён очень известный сегодня в Украине церковный мемориал «Козацкие могилы» под Берестечком. Мемориал был построен на месте проигранной казаками Богдана Хмельницкого битвы против польской католической армии в 1651 г.». Д. Дорошенко при личной встрече похвалил архим. Виталия «за создание мемориала» и заботу о казацких могилах [24]. Обозревая эти могилы, и черносотенец Максименко, и украинец Дорошенко «вспоминали» о славных казацких деяниях, но «вспоминали» по-разному. По мнению о. Виталия «битва под Берестечко была битвой малороссийского народа за веру и Родину и была великой искупительной жертвой за свободу малорусского народа и его вечное и неразделимое единение с Великой Россией» [24]. В его представлении запорожские казаки соединились с Российской императорской армией в едином сакральном пространстве памяти, а имперский патриотизм («триединый русский народ», «Святая Русь») гармонично ассимилировал этнографическое украинофильство с его топосом «казацкой Украины» и «славной Сечи». В

то самое время, когда архимандрит ухаживал за могилами древних «имперских патриотов», усилиями галицкой и надднепрянской интеллигенции создавался образ Украины как общей для всех украинцев «идеальной Отчизны», разделенной между враждующими империями. По словам М. Кордубы, деятели украинского движения искали в «героической борьбе казаков с Московщиной и Польшей исторические основания для своей политико-национальной идеологии» [13, с. 45]. Поэтому для Дорошенко казачество – антиимперский националистический символ. Увидев могилы казаков, он «вспомнил», как они умирали за украинскую идею? доктрину, которую отстаивал сам Дорошенко.

Эти примеры говорят о том, историки могут смоделировать любую коллективную идентичность, политическую мифологию или гражданскую религию. Они способны забросить свою доктрину на любую историческую глубину. Рецепт достаточно прост и эффективен: систематизация, компонование и придание знаковой целостности обрывкам самых различных текстов из бесконечного резервуара культуры. Идентичность должна апеллировать к исторической достоверности, но ей не обязательно быть достоверной. Историки могут успешно манипулировать знаками: изымать из публичной сферы те или иные интегрирующие символы и заменять их другими, создавая новое пространство идентификации. Историки выступают главными творцами «культурной памяти», представляющей из себя «непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством реконструкции своего прошлого» [18, с. 11]. Историография выполняет функцию «прагматического информационного фильтра», аналогичную той, которую реализуют СМИ. Фокусируясь на одних событиях, историки и журналисты игнорируют другие, создавая фантомный образ новой реальности, состоящий из специфически интерпретированных обрывков реальности настоящей [6]. Историография легко приспосабливается к языковому коду и образу мышления тех, кому предлагает фиктивные «воспоминания». Так, украинские интеллектуалы, популяризовавшие среди крестьян образ новой «духовно единой», но политически разделенной Украины, использовали упрощенный язык народного эпоса и легенд. Новая история нации «для народа» мимикрировала под племенной генетический Миф («У давно давнину вкраїнський народ...» [32, с. 5] Но для «образованных сословий» она предстала в образе позитивной Науки, использующей механистическо-эксперименталистские метафоры и язык Чарльза Дарвина и Огюста Конта.

Историография не раз доказывала свою «общественную пользу». Однако в последнее время все чаще говорят о ее кризисе и уменьшении

значения историков в обществе. Падение роли исторической профессии связано, помимо прочего, с инструментальным расширением каналов историко-мифологической пропаганды. Историки на службе государства оказываются далеко не самым эффективным инструментом мифологизации массового сознания в эпоху «смерти читателя». Они нужны лишь для создания необходимых мифичных «матриц», тиражирование которых возложено на блогеров, журналистов, учителей, имиджмейкеров, рекламщиков, режисеров, дизайнеров уличных плакатов и проч.

Для того, чтобы выжить в эпоху конкуренции «идей, людей и капиталов», историография вынуждена выглядеть как Миф, заимствовать его структуру, содержание и логику функционирования. Теперь не «лженаука» мимикрирует под «науку», а наоборот: историки хотят быть похожими на шоуменов и создают свою продукцию, ориентируясь на законы шоубизнеса и массового спроса. В отличие от «открытой» мифологии, заявляющей о себе как о Мифе (сокрытая до времен и наконец чудом обнаруженная «Правда» о происхождении и славных деяниях) [23], историография – это Миф более высокого уровня, на котором он нуждался в новом качестве аргументации. С этой целью он сымитировал науку в своем собственном пространстве, представив ее как свою альтернативу, но сохранив за ней все генетические черты Мифа: «Золотой век» национального бытия, сотворение нации как акт разделения/отделения от какой-то массы ее лучшей части; сакральные события, концентрирующие смысл всей предшествующей истории («ретроспективное предвидение»); культурные герои их антиподы; революция как «новое сотворение» и «космическое обновление»; борьба национального Добра со Злом, выраженном в национальных идеях соседей; «идеальное Отечество», никогда не совпадающего с реальными политическими и этническими границами (миф его «освобождения» от «поработителей»); периоды «страданий» и «угнетения», сменяющиеся чудесным «пробуждением» и «возрождением»; и, в конце-концов, вхождение в «Землю Обетованную» на финальном этапе исторического развития (возвращение в «Золотой век»).

Так же как и Миф, историография предоставляет идеальные образцы индивидуальных и коллективных действий, постоянно воспроизводящиеся парадигмы [30]. Только вместо устных рассказов Миф предлагает тексты, которые «имеют особенность воплощаться в жизни, преобразовывать ее, менять ее образ» [31, с. 109]. Ни революция, ни гражданская война, ни национально-освободительное движение – никогда не заканчиваются, они постоянно разворачиваются в опыте новых поколений людей, усвоивающих историографические схемы в качестве мифологических парадигм. Как отметила Л. Репина, «ученое знание влияет на становление коллективных

представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов» [10, с. 10]. Историки делают историю такой, какой ее хотят видеть. Историография практична, ее практика – это действия людей, политических субъектов и государств в соответствии с имплантированной «картиной мира» и ее понятиями «исторической справедливости». Она классифицирует людей по той логике, по которой действуют тотемические классификаторы в примитивном обществе: в обоих случаях люди становятся «естественными» врагами [14]. Териоморфные существа недаром входят в состав национальных символов многих «цивилизованных» народов.

Понимая, что ее подозревают в мифичности, отказывая в доверии, историография на волне лингвистического поворота пытается реструктурироваться, избавляясь от мегапонятий: Истина, Прогресс, Бог, Правда, Эволюция, Государство, Нация. Она трансформируется в «исследование памяти» («memory studies»), историю повседневности, микроисторию, «женскую историю», «историю угнетаемых меньшинств», историю совокупностей (люди, вещи и животные) [8] и т. д. Однако новая историография оказалась не менее мифологичной, чем старая, обслуживающая национальные проекты. Просто она перешла к мифотворчеству глобального порядка, легитимизируя либеральную транснациональную идеологию и соответствующую децентристскую «картину мира». Она, по Н. Копосову, выглядит не как «иерархия идеальных сущностей» и «манифестация Логоса», а как атомизированный «опыт гомогенного множества» [12]. Историография теряет роль «памяти нации» из-за деконструкции самих наций, но взамен предлагает коллективную «память» другим идентичностям – гендерным, профессиональным, цивилизационным, политическим, субкультурным, религиозным и антирелигиозным, сексуальным и даже видовым и межвидовым.

На каких этапах и участках историографического творчества возникает гносеологическое пространство, заполняемое мифом? Практически на всех.

1) Актуализация исследования. Как правило, до сих пор декларируется научное «служение нации/государству» в определенном сегменте жизнедеятельности. 2) Используемые метафоры. «Национальное пробуждение», «народное стремление к...», «воля народа», «возрождение», «темна московська ніч», «национальный гнет», «іноземне ярмо», «мечты народа о независимости» и т. д. – историки чаще всего не задумываются о метафорической природе этих слов и словосочетаний, они привыкли употреблять их в качестве своего аналитического инструментария. Однако упомянутые категории не менее мифологичны, чем «пассионарные толчки» и «космическая энергия» или недра «Космического Разума». 3) Поиск генезиса. Идея генезиса мифологична

сама по себе, поскольку, как и миф, является рассказом о том, что было «в начале». Кроме того, отметил В. Вжозек, она «предоставляет прошлому смысл, своеобразную драматургию и порядок всему, что случается на пути» [7, с. 186]. 4) Генерализация единичных событий. По словам Ю. Бессмертного, последнюю проблему историк решает просто: он произвольно «называет один из вариантов магистральным, а остальные отклонениями от нормы [5, с. 16]. 5) Широкие возможности для мифотворчества создаются при построении хронологии и причинно-следственных связей. Во-первых, последовательное изложение событий, даже если оно кажется объективным и беспристрастным, «имплицитно содержит концепцию», а сама «методичность последовательного изложения, как бы демонстрирующая верность фактам.., оказывается риторическим приемом, предназначенным для того, чтобы заставить читателя принять логику текста за логику вещей» [11, с. 165–166]. Во-вторых, историография способна убедить, что причина опережает следствие (как заметил еще Ф. Ницше – вопреки наблюдаемой очевидности). Так, принято полагать, что Революции 1917 года должен был предшествовать «кризис» во всех сферах жизни, соразмерный масштабам революционных событий: XIX век в истории империи изображается как всеобщая деградация и «нарастание противоречий» всех и со всеми. Это именно то, что называют «ретроспективным предвидением»: историки выстраивают цепь «фактов» таким образом, чтобы они свидетельствовали о «неумолимом» и «объективном» приближении сакрального парадигматического события. Как правило, изложение истории состоит из накопления негатива, сопровождаемого соответствующей риторикой («кризис», «катастрофа», «страдание», «отчуждение», «противоречия») [22, с. 223]. Положительные факты либо опускаются, либо перетолковываются в отрицательные.

Как и Миф, историография поддерживает человека в его обыденном «тоннеле реальности». И она же может его радикально трансформировать, если есть необходимость в радикальном «преображении» носителей этой реальности (например, при трансформации крестьян-малороссов в «украинский советский народ», или последнего – в «современную украинскую нацию»; или при превращении «народа-богоносца» в «безбожных строителей коммунизма») [3, с. 254]. Такие массовые преобразования практически идентичны феномену религиозного обращения (при этом используется одна и та же вездесущая метафора «от тьмы к свету», «пробуждение», «возрождение», «весна» и т. д.) Историография функционирует по принципу сектантского сообщества, стирающего, по С. Хассену, индивидуальную память и заменяя ее новой памятью «сектантской личности» [26]. Как и деструктивная секта, историография способна

изменить человека до неузнаваемости, провоцировать его на совершение поступков, на которые до концептуальной индокринации он был неспособен. Она служит «аппаратом легитимации новой реальности» [26, с. 258], закрепляя ее созданием образа «правдивого» коллективного прошлого взамен старого – «ошибочного». Она заставляет человека забыть то, что уже «не вписывается в социально заданные рамки значимости» [1, с. 37].

Историография оберегает индивида от когнитивного диссонанса, подавая картину прошлого внутренне согласованной. В ней не должно быть существенных противоречий [25, с. 171–172]. За это отвечают различные общественные и государственные институты, курирующие «национальную память». Мифологическая картина сконструированного прошлого, конечно, может быть противоречивой, но это противоречие снимается верой в свою «национальную Правду». Хотя, как правило, историография старается избегать когнитивного диссонанса путем исключения из своей нарративной структуры тех фрагментов, которые его провоцируют. Примером может быть «Вольнь 1943 г.», долгое время игнорировавшаяся в украинской историографии или история Русской Освободительной Армии (РОА) во время Второй мировой войны, которая не относится к популярным темам среди российских историков. Можно вспомнить и массовый террор 30-х гг., фактически отсутствующий в советской исторической науке. Если проигнорировать событие невозможно, оно подлежит перетолкованию, чтобы уменьшить диссонанс. Например, Православная Церковь, которую исключить из истории не удастся, изображается в украинской историографии исключительно как инструмент социального и национального угнетения народа [19]. Тараса Шевченко, антикатолические высказывания которого диссонируют с ролью греко-католицизма в политической жизни современной Украины, пытаются превратить в униата [27]. Перед историографией стоит задача трансляции образов и идей в пределах традиции «национальной памяти», для поддержания ее «коннективной структуры»: поэтому сложные, противоречивые, амбивалентные образы, события и идеи максимально упрощаются, типизируются, лишаются черт неоднозначности и монументализируются [10, с. 34]. В «капсулированном» виде, в изоляции от контекста и жизненных противоречий, эти «факты» и «фигуры воспоминаний» легче воспринимаются массовым сознанием. Добро сражается со Злом, нация сражается с поработителями, Мардук сражается с Тиамат...

Сходство историографии с мифологией рассмотренными чертами не ограничивается, но и этого вполне достаточно для определенных выводов.

Историография – Миф в современных очертаниях, возникший в европейском мире в период модернизации, индустриализации и

формирования националистических движений. «Дух» позитивизма, царивший в XIX–XX вв., заставил историографию приспособиться к требованию момента и выглядеть «научно». Это еще раз свидетельствует о гибкости и пластичности Мифа, способного симулировать то, что человек хочет видеть. Вне националистических движений и порожденных ими национальных государств традиционная историография теряет свое предназначение, становится объектом подозрений в анахроничности, антисемитизме и даже «мужском шовинизме». Но гибкий и живой Миф, от которого требуют уже не научности, а товарного вида, в эпоху крушения наций продолжает предлагать свои услуги по вживлению сверхиндивидуальных ложных воспоминаний. В этих услугах нуждаются новые идентичности, порождаемые вечной потребностью человека отождествлять себя с чем-то большим, чем он сам.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы.– СПб.: CODA, 2004.– 480 с.
2. Ассман Я. Культурная память / Пер. с нем.– М.: Языки славянской культуры, 2004.– 363 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.– М.: Медиум, 1995.– 336 с.
4. Берк П. Что такое культуральная история? / Пер. с англ.– М.: Высшая школа экономики, 2015.– 240 с.
5. Бессмертный Ю. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории.– М.: Наука, 1991.– С. 7–24.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции.– М.: Постум, 2015.– 246 с.
7. Вжосек В. Історія–Культура–Метафора. Постановня некласичної історіографії. Про історичне мислення / Пер. з пол.– К.: Ніка-Центр, 2012.– 296 с.
8. Доманська Є. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле.– К.: Ніка-Центр, 2012.– 264 с.
9. Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / Под ред. С. и К. Гроф / Пер. с англ. А.С. Ригина.– М.: Независимая фирма «Класс», Изд-во Трансперсонального института, 2000.– 288 с.
10. История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под. ред. Л. П. Репиной.– М.: Круг, 2006.– 298 с.
11. Копосов Н. Как думают историки.– М.: НЛО, 2001.– 323 с.
12. Копосов Н. Логика демократии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/kolos7.html>
13. Кордуба М. Зв'язки В. Антоновича з Галичиною // Україна.– 1928.– № 5.– С. 33–78.
14. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с фр.– М.: Академический проект, 2008.– 520 с.
15. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ.?

- М.: Кучково поле, 2003.– 464 с.
16. Нора П. Франция-память / Пер. с фр.– СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999.– 328 с.
 17. Об'єднання синів і дочок України рідної Української Національної Віри [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://runvira.com.ua/uk/>
 18. Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад / Под. ред. Л. П. Репиной.– М.: Круг, 2010.– 960 с.
 19. Присяжнюк Ю. Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX – початку XX ст.– Черкаси, Вертикаль, 2007.– 640 с.
 20. Репина Л. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы.– М.: ЛКИ, 2012.– С. 5–13.
 21. Савченко С. Девіантна наука, космічна енергія та козацькі оселедці // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Міжвузівський збірник наукових праць. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі.– Дніпропетровський, 2014.– С. 273–287.
 22. Топольский С. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нарації.– К.: Видавництво КІС, 2012.– 400 с.
 23. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов.– М.: ИА РАН, 2011.– 384 с.
 24. Федевич К. Украинские монархисты Российской империи 1905–1917.– Б.м., б.д.– 123 с. (В печати, из архива автора)
 25. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса.– СПб., 1999.– 317 с.
 26. Хассен С. Противостояние сектам и контролю над сознанием.– М.: Акт, 2006.– 315 с.
 27. Чи був Тарас Шевченко греко-католиком? [Електронний ресурс] – Режим доступа: http://pravoslavnews.com.ua/articles/chy_buv_Shevchenko_uniatom/
 28. Шартье Р. Парадигмы интеллектуальной истории: от коллективных представлений к авторским интенциям // Новое литературное обозрение.– 2004.– № 66 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2-pr.html>
 29. Эксле О. «История памяти» – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы.– М.: ЛКИ, 2012.– С. 75–90.
 30. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы / Пер. с фр. и англ.– М.: Прогресс, 1984.– 313 с.
 31. Эткінд А. Хлыст (секты, литература и революция).– М.: НЛО, 1998.– 688 с.
 32. Як жив український народ (Коротка історія України).– Чернівці, 1910.– 64 с.

Сергій Савченко

ІСТОРИОГРАФІЯ ЯК ФОРМА ФАЛЬШИВИХ СПОГАДІВ

У статті мова йде про засадничу подібність історичної міфології (націократичного міфа) та історіографії, яка претендує на конструювання та репрезентацію «національної пам'яті» з точки зору

наукового дискурсу. Міфологічне мислення властиве істориків на всіх етапах його роботи, починаючи з актуалізації та завершуючи встановленням каузальних зв'язків між фактами та презентацією висновків.

Ключові слова: історіографія, пам'ять, міф.

Sergiy Savchenko

HISTORIOGRAPHY AS A FORM OF FALSE MEMORIES

The article deals with the basic similarity of historical mythology (a national myth) and historiography, which claims to construct and represent of the «national memory» from the point of view of scientific discourse. In fact, mythological thinking is characteristic of a historian at all stages of his work, beginning with actualization and ending with the establishment of causal links between facts and the presentation of conclusions. Everyone can remember something that did not happen to him personally, but happened to those whom he considers a nation. A person who perceives historical schemes as an extension of his natural memory, is in an altered state of consciousness - in captivity of false memories. Historians can model any collective identity, political mythology or civil religion. Historiography is a modern Myth that arose in the European world during the period of modernization, industrialization and the formation of nationalist movements. Outside of nationalist movements and national states, traditional historiography loses its purpose. In the age of the collapse of nations, historiography is being rebuilt to offer its services for implanting super-individual false memories with new identities: subcultural, individual, gender, political, confessional. Historiography as a modern myth is needed by all who want to find their roots in the past.

Keywords: historiography, memory, myth.

References

1. Averintsev S. (2004) Poetika rannevizantiyskoy literatury [The poetics of early byzantine literature], SPb., CODA, 480 p.
2. Assman Y. (2004) Kulturnaya pamyat [The cultural memory], Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 363 p.
3. Berger P., Lukman T. (1995) Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge], Moscow, Medium, 336 p.
4. Berk P. (2015) Chto takoye kulturnaya istoriya? [What is the cultural history?], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 240 p.
5. Bessmertnyy Yu. (1991) «Annaly»: perelomnyy etap? [Annals: a turning point?], Odissey. Chelovek v istorii, Moscow, Nauka, pp. 7–24.
6. Bodriyyar Zh. (2015) Simulyakry i simulyatsii [Simulations and simulations],

- Moscow, Postum, 246 p.
7. Vzhosek V. (2012) Istoriya? Kul'tura? Metafora. Postannya neklasychnoy istoriohrafiiyi. Pro istorychne myslennya [History-Culture-Metaphor. Occurrence of non-classical historiography. About historical thinking], Kiev, Nika-Tsentr, 296 p.
 8. Domans'ka Y. (2012) Istoriya ta suchasna humanitarystyka: doslidzhennya z teoriiy znannya pro mynule [History and Modern Humanities: A Study on the Theory of Knowledge of the Past], Kiev, Nika-Tsentr, 264 p.
 9. *Dukhovnyy krizis: Kogda preobrazovaniye lichnosti stanovitsya krizisom* (2000) [Spiritual crisis: when the transformation of personality becomes a crisis], Moscow, Nezavisimaya firma «Klass». Izdatelstvo Transpersonalnogo instituta, 288 p.
 10. *Istoriya i pamyat. Istoricheskaya kultura Evropy do nachala Novogo vremeni* (2006) [History and memory. Historical culture of Europe before the beginning of modern times], Moscow, Krug, 298 p.
 11. Koposov N. (2001) Kak dumayut istoriki? [How do historians think?], Moscow, NLO, 323 p.
 12. Koposov N. Logika demokratii [The logic of democracy], available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/kolos7.html>
 13. Korduba M. (1928) Zvyazky V. Antonovycha z Halychynoyu [Connections Antonovich with Galicia], *Ukrayina*, # 5, pp. 33–78.
 14. Levi-Stross K. (2008) Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl [Totemism today. An indomitable thought], Moscow, Akademicheskyy proyekt, 520 p.
 15. Maklyuen M. (2003) Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka [Understanding of the Media: External Extensions of Man], Moscow, Kuchkovo pole, 464 p.
 16. Nora P. (1999) Frantsiya-pamyat [France – Memory], *SPb.*, Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta. 328 p.
 17. Obyednannya syniv i dochok Ukrayiny ridnoyi Ukrayins'koyi Natsional'noyi Viry [The unification of the sons and daughters of Ukraine of the Ukrainian National Faith], available at: <http://runvira.com.ua/uk/>
 18. Obrazy vremeni i istoricheskiye predstavleniya. Rossiya-Vostok-Zapad (2010) [The images of time and historical views], Moscow, Krug, 960 p.
 19. Prysyazhnyuk Y. (2007) Ukrayins'ke selyanstvo Naddnipyrians'koyi Ukrayiny: sotsiomenal'na istoriya druhoyi polovyny XIX – pochatku XX st. [The Ukrainian peasantry of the Dnieper Ukraine: the social history of the second half of the nineteenth and early twentieth centuries], *Cherkasy, Vertykal'*, 640 p.
 20. Repina L. (2012) Situatsiya v sovremennoy istoriografii: obshchestvennyy zapros i nauchnyy otvet [The situation in modern historiography: public

- inquiry and scientific response], *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy*, Moscow, LKI, pp. 5–13.
21. Savchenko S. (2014) Deviantna nauka, kosmichna enerhiya ta kozats'ki oseledtsi [Deviant Science, Space Energy and Cossack Herring], *Istoriohrafichni ta dzhereloznavchi problemy istoriyi Ukrayiny. Mizhvuzivs'kyu zbirnyk naukovykh prats'. Profesiyna etyka istoryka u mizhdystsyplynarnomu prostori, Dnipropetrovs'k*, DNU, pp. 273–287.
 22. Topol'sky Y. (2012) Yak my pyshemo i rozumiemo istoriyu. Tayemnytsi istorychnoyi naratsiyi [How we write and understand history. The mysteries of the historical narrative], Kiev, Vydavnytstvo KIS, 400 p.
 23. *Falsifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticheskikh mifov* (2011) [Falsification of historical sources and the construction of ethnocentric myths], Moscow, IARAN, 384 p.
 24. Fedevich K. Ukrainskiy monarkhisty Rossiyskoy imperii 1905-1917 [Ukrainian monarchists of the Russian Empire 1905?1917] B.m., b.d.– 123 p. (V pechati, iz arkhiva avtora).
 25. Festinger L. (1999) Teoriya kognitivnogo dissonansa [The theory of cognitive dissonance] *SPb.*, 317 p.
 26. Khassen S. (2006) Protivostoyaniye sektam i kontrolyu nad soznaniyem [Confrontation between sects and control over consciousness], Moscow, Akt, 2006, 315 p.
 27. *Chy buv Taras Shevchenko hreko-katolykom?* [Was Taras Shevchenko Greek Catholic?], available at: http://pravoslavnews.com.ua/articles/chy_buv_Shevchenko_uniatom/
 28. Shartye R. (2004) Paradigmy intellektualnoy istorii: ot kollektivnykh predstavleniy k avtorskim intentsiyam [Paradigms of intellectual history: from collective representations to author's intentions], *Novoye literaturnoye obozreniye*, # 66, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2-pr.html>
 29. Eksle O. (2012) «Istoriya pamyati» – novaya paradigma istoricheskoy nauki [History of memory – a new paradigm of historical science], *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy*, Moscow, LKI, pp. 75–90.
 30. Eliade M. (1984) Kosmos i istoriya. Izbrannyye raboty [Space and history. Selected works], Moscow, Progress, 313 p.
 31. Etkind A. (1998) Khlyst (sekty, literatura i revolyutsiya) [Khlyst (sect, literature and revolution)], Moscow, NLO, 688 p.
 32. *Yak zhyv ukrayins'kyu narod* (Korotka istoriya Ukrayiny) (1910) [How the Ukrainian people lived (Brief History of Ukraine)], *Chernivtsi*, 64 p.

Стаття надійшла до редакції 15.03.2017.

Стаття прийнята 22.04.2017.